

Монетные и монетовидные подвески эстонских крестьянок XIX века

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА КАЛИНИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Научный сотрудник, отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики
e-mail: kalinina_ol@mail.ru

В статье рассматривается традиция использования монет, а также их имитаций в женском народном костюме эстонцев и сету в контексте североевропейской истории ювелирного дела и формирования моды. Прослеживается связь этнографических материалов со средневековыми археологическими украшениями и с предметами искусства эпохи Возрождения, проводятся некоторые параллели между разными этническими традициями формирования монетовидных украшений в крестьянском костюме. Особое внимание уделено изделиям цеховых ювелиров южной Эстонии XIX века. Статья написана на материалах собрания Российского этнографического музея.

Ключевые слова: монеты, медали, женские украшения, ювелирное ремесло Западной Европы, этническая история Эстонии.

UDC 391.7

Coin and Coin-shaped Pendants of Estonian Peasant Women of the XIXth Century

OLGA V. KALININA

Researcher, Department of Ethnography of the North-West and the Baltic countries
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: kalinina_ol@mail.ru

The article presents the tradition of use of coins, as well as their imitations in the traditional costume of Estonian and Setos women in the context of the North European history of jewelry and fashion development. There is a connection between ethnographic materials and medieval archaeological jewelry and art objects of the Renaissance era, some comparisons are drawn between different ethnic traditions of creation of coin-shaped jewelry in peasant costume. Particular attention is paid to pieces of work of workshop jewelers of southern Estonia of the XIXth century. This article is based on the materials from the collection of the Russian Museum of Ethnography.

Key words: coins, medals, women's jewelry, jewelry craft of Western Europe, ethnic history of Estonia.

Использование монеты или ее имитации в качестве украшения – явление универсальное, встречающееся в культурах разных народов. Европейская традиция изготовления украшений с монетами восходит к античности¹. В эллинистическую эпоху и римское время уже были распространены всевозможные варианты украше-

ний с использованием металлических денег: щитки перстней, бляшки, медальоны и ожерелья. Подвески с монетами появились в I веке н.э., а во II–III веках превратились в популярное женское украшение². Наряду с примитивными способами крепления монеты: просверливанием отверстия, приклепыванием или припаиванием

ушка-петельки, использовались различные способы окантовки, в результате чего возникали изысканные ювелирные изделия из золота и серебра. В эпоху переселения народов (V–VII века) широкое распространение получили т.н. брактеаты – плоские золотые или серебряные монеты с чеканкой на одной стороне, использовавшиеся германцами как нашейные украшения и амулеты. Археологические находки брактеатов происходят с территории Скандинавии, Ганновера, Англии, Бельгии, средней Германии³. В конце VIII века на территории Северной Европы и Северной Руси распространились серебряные арабские дирхемы, использовавшиеся местным населением как деньги и сырье для ремесленной деятельности. Куфические монеты «оседали» в кладках IX–XI веков, в составе которых присутствуют и монеты-подвески (с одним или двумя отверстиями, с приклепанной пластиной-ушком)⁴. На смену арабскому серебру (X–XII века) пришли западноевропейские денарии, а также монеты Византии. О традиции использования серебряных денег в качестве шейных украшений свидетельствуют материалы из погребальных и поселенческих памятников Северной Европы и Северо-Запада России XI–XIII веков⁵. Подвески из подлинных монет или их подделок/имитаций – характерная черта инвентаря именно женских погребений. Наряду с этим видом украшений широкое распространение получили круглые, так называемые монетовидные подвески с различными растительными, геометрическими, зооморфными орнаментами, изготовленные из серебра и на основе медных и оловянных сплавов⁶.

В эпоху Возрождения возникло новое направление в искусстве – медальерное дело. Круглая медаль с рельефными изображениями и поясняющими надписями имеет общие корни с монетой, но не является денежным эквивалентом. Разнообразные памятные, религиозные, наградные, «милостивые» медали быстро получили широкое распространение в Европе, заняв определенное статусное положение в придворном, городском, а затем и крестьянском костюме. Монеты и медали использовались при создании различных памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XIX веков: украшений, кубков, табакерок, шкатулок⁷. История европейских монетных украшений свидетельствует о наличии двух традиций их изготовления и использования: элитарной, т.е. предназначенной для употребления высшими слоями общества, и народной. Сочетание монет и медалей с дорогими материалами (золотом, драгоценными камнями, жемчугом, черепаховым панцирем и др.) при использовании разнообразных технических приемов давало возможность мастерам-ювелирам проявить фантазию и раскрыть свой

талант. Наряду с подобными «штучными» произведениями искусства, бытовали украшения из монет и их имитаций в городской и крестьянской среде. В некоторых региональных традициях Европы, например, на Балканском полуострове, монеты стали обязательным компонентом женского праздничного народного костюма. У иных народов, например, у русских, они не получили столь широкого распространения или не использовались в костюме вовсе. Исследования в области этнологии и других гуманитарных дисциплин дают обширный материал, свидетельствующий о полифункциональности и полисемантической монеты в культуре. Она могла быть оберегом, талисманом, украшением, элементом различных обрядовых практик, символом богатства или олицетворением накопительства, скарденности⁸.

В 2014 году в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург) состоялась выставка «Звонкая монета», призванная продемонстрировать народные традиции использования монет в культурах Евразии на материалах музейного собрания. Отдельный стенд был посвящен эстонской традиции, т.к. большая монетная подвеска являлась «наиболее ценившимся эстонскими крестьянками украшением» в XVIII–XIX веках⁹. Посетителям выставки предлагалось ознакомиться с локальными особенностями использования металлических денег в женских костюмных комплексах Эстонии XIX – начала XX века, а также с традиционным «серебряным нарядом» сету¹⁰ XVIII–XX веков.

В «эстонском» собрании РЭМ представлено более 120 экспонатов, в составе которых присутствуют монеты, медали и их имитации. Это разнообразие шейно-нагрудные женские украшения, в каждом из которых находится от одной до пятнадцати крупных серебряных монет в оправе или без. Обилием монет отличается женский костюм сету, особенно его вариант начала XX века, обязательным элементом которого являлись т.н. «денежные ряды» – «rahadõ», состоящие из копеек Российской империи, закрепленных между цепями. В состав одного такого украшения могло входить от 20 до 300 монет, расположенных изображением гербового орла наружу (рис. 1).

Собрание украшений эстонцев и сету РЭМ было сформировано из поступлений от частных коллекционеров и в результате научно-экспедиционной деятельности музейных сотрудников, в том числе через сеть корреспондентов. Первые коллекции украшений сету Псковского уезда были привезены Е.А. Ляцким (1902 – 16 украшений, из них два – с монетами) и К.К. Романовым (1911 – 30 украшений, из них 2 с монетами). Благодаря экспедиции архитектора И.А. Гальбека¹¹ (1907), в музее появились

этнографические коллекции, характеризующие культуру островной Эстонии (около 500 вещественных памятников, из них 4 украшения с монетами). Однако основную часть музейного собрания «эстонского серебра» составляют предметы из частных коллекций любителей старины, а сведения о месте их приобретения или бытования отсутствуют. Гордостью музея является уникальное собрание псковского коллекционера Ф.М. Плюшкина – более полутора тысяч предметов этнографии разных народов, поступивших в 1913 году от наследников собирателя. Поскольку Ф.М. Плюшкин не имел каталога и не вел никаких записей, атрибуция этих предметов была крайне затруднена, осуществлялась в течение всего XX века и продолжается по сей день¹². 224 ювелирных изделия были зарегистрированы в 1953 году как предметы этнографии эстонцев и «эстонцев-полуверцев» (т.е. сету) – коллекция РЭМ № 6697. Помимо предметов, имевших широкое бытование на всей территории Эстонии и специфических украшений сету, в коллекцию оказались включенными и некоторые характерные украшения латышей и украинцев. Хронологические рамки собрания: XVI–XIX века. Из интересующих нас предметов следует назвать шейно-нагрудные, в том числе фрагментированные, украшения с монетами (21 экз.), а также отдельные монетные подвески, образки и медали (66 экз.). «Серебряный наряд» сету первой половины XX века хорошо представлен в музейном собрании благодаря деятельности корреспондента музея коллекционера Б.А. Лейса в 1960–1980-е годы (музей приобрел от него 50 ювелирных изделий, из них 23 – с монетами).

В 1982 году с эстонскими коллекциями РЭМ работал искусствовед Калью Кирме, специалист по ювелирному искусству. Атрибутированные им подвески частично вошли в энциклопедическое издание «Эстонские народные украшения», вышедшее в 2002 году на эстонском языке¹³.

В эстонской этнографической традиции принято разделение монетных подвесок на две группы: монеты с ушком (петелькой) – «kannaga rahad» и монеты со спицами – «kodarrahad». Последние представляют собой монеты или их имитации, обрамленные рамкой в виде расходящихся треугольных лучей/спиц, которые, в свою очередь, заключены в проволоочный круг. В южной Эстонии существовала также традиция изготовления монет в оправе из тонкой пластины с прорезными орнаментами (рис. 8). Несмотря на то, что в качестве основы для подвески использовались как подлинные монеты, так и их имитации, в эстонской историографии не принято подобное разделение. По всей видимости, для самих носителей культуры важен был именно общий узнаваемый облик изделия: мужской или женский профиль на лицевой стороне,

Рис. 4. Эмблема Эстонского союза народного искусства и рукоделия

геральдические знаки на оборотной, декоративное оформление оправы. Диаметр эстонских подвесок с монетами составляет 3,5–7 см.

Сегодня подвеска «kodarraha» является одним из символов культурной самобытности Эстонии, предметом национальной гордости. Уникальность эстонской «монеты со спицами» афишируется в публикациях и музейно-выставочных проектах¹⁴. Ее схематичное изображение является эмблемой Эстонского союза народного искусства и рукоделия (рис. 4)¹⁵. Изделия мастеров XIX века послужили источником вдохновения для ювелиров Эстонии XX и XXI веков. Следуя философии этнофутуризма, современные эстонские художники пытаются «познать себя» через прикосновение к предметам прошлого: они создают реплики с музейных оригиналов, а также новые формы изделий на основе традиционных¹⁶. Эти украшения пользуются спросом не только в качестве сувенирной продукции – они являются модным аксессуаром урбанистического настоящего, призванным демонстрировать приверженность традициям старины.

Для средневекового костюма народов Балтийского региона характерно обилие металлических украшений – как съёмных (нагрудные булавки, фибулы, цепи с подвесками, браслеты и перстни), так и закрепленных на текстиле (бронзовые пронизки, колечки). В погребальных памятниках Эстонии XI–XIII веков почти половина найденных монет – это подвески¹⁷. Их носили отдельно на цепях и шнурках, а также вместе со стеклянными бусами¹⁸. Характерными украшениями эстов с XII–XIII веков являются серебряные бляхи-подвески (диаметр 5–10 см), орнаментированные валютами, умбонами, свастиками, крестами¹⁹. В эпоху христианизации эти древние символы-знаки получают новое осмысление²⁰, а сами подвески с крестами превращаются в атрибуты христианского культа.

В начале XIII века наступил переломный момент в истории Прибалтики – завоевание этой территории рыцарями-крестоносцами и установление многовековой иноземной власти.

Земли Ливонии (Эстонии и Латвии) в разные исторические периоды входили в состав различных государственных образований. В Эстонии господствовали датчане, немцы, а со второй половины XVI века – шведы. За право обладанием Ливонией вели борьбу Россия, Дания, Швеция, Великое княжество Литовское (1558–1583). В результате Северной войны в 1710 году земли Эстляндии (север Эстонии) и Лифляндии (юг Эстонии, север Латвии) вошли в состав Российской империи. Немецкое дворянство, потерявшее политическую власть, оставалось правящим социально-экономическим классом при шведской короне и получило подтверждение своих привилегий от российского императора. Коренное «ненемецкое» население Прибалтики – «undeutsche» было ограничено в правах. Социальное расслоение общества четко проявлялось в costume – крестьянству и городским низам запрещалось носить одежду, сходную с господской²¹. Тем не менее, городская германская мода, несомненно, влияла на формирование народного костюма.

В первой четверти XIII века из среды эстонских ремесленников выделились специальные мастера – изготовители украшений²². Однако прибывшие вслед за крестоносцами немецкие ремесленники стремились установить монополию на прибыльные отрасли производства. С возникновением системы ремесленных цехов происходило вытеснение свободных мастеров. Первый профессиональный устав таллинских ювелиров (1393) запрещал брать в обучение людей не немецкой национальности²³. В документах Таллина XIV–XVI веков упоминаются термины «Ettekenmaker» и «Pistemaker», которые эстонские исследователи связывают с мастерами украшений – эстонцами по национальности, изготовлявшими изделия из медных сплавов и низкопробного серебра²⁴. Простые крестьянские украшения могли быть изготовлены и деревенскими кустарями, однако зажиточные крестьяне явно предпочитали высокохудожественные изделия из серебра высокой пробы. Золотых дел мастерами в Прибалтике в течение многих столетий были скандинавы и немцы, работавшие в русле общеевропейских традиций и стилей (готика, ренессанс, барокко).

В XIV–XV веках в эстонском народном costume произошла смена металлических украшений. Вместо подковообразных фибул для скрепления ворота рубахи стали использоваться кольцевидные (позже превратившиеся в конусовидные) застёжки. Ушел в прошлое обычай украшать одежду бронзовыми пронизками, вместо которых к женским наплечным покрывалам, полотенчатым головным уборам и набедренникам стали пришивать круглые оловянные бляшки; иногда в этом качестве исполь-

зовались монеты²⁵. Продолжали бытовать подвески-монеты с отверстием и приклепанным ушком²⁶.

В XVI веке в связи с массовым вывозом серебра из Америки, цена на него в Европе значительно упала. Серебряные изделия занимают прочное положение в народном costume эстонцев. К XVII веку окончательно исчезли древние типы эстонских металлических украшений, а пришедшие им на смену уже разделялись на городские и специфические крестьянские²⁷. К последним относятся, например, конусообразные и сердцевидные фибулы, а также подвески из крупных серебряных монет. Практически все локальные варианты женского крестьянского костюма этого периода включают в себя стеклянные бусы (helmed) и/или серебряные цепи. Городской пласт эстонской культуры XVI–XVII веков представлен в музейных собраниях ожерельями из мелких серебряных монет и круглыми подвесками-паатер (рис. 5). Первоначально «paater» – это атрибут католичества: четки из серебряных, янтарных или коралловых бусин с прикрепленными к ним крестами или круглыми подвесками с изображением распятия в центре. Название предмета происходит от Господней молитвы («Отче наш») на латыни – Pater Noster. В крестьянской традиции нового времени «паатером» стали называть большую монетную подвеску в центре ожерелья или все ожерелье целиком (рис. 2). Таким образом, амулет эста-язычника (монета или дисковидная подвеска) превратился в атрибут христианина-католика, в период реформации утратил свое значение как составная часть четок, но сохранился в народном сознании как сакральный предмет, не переставая быть в то же время украшением.

Монетные подвески kannaga rahad и kodarrahad являются характерными для эстонского крестьянского костюма XIX века. Тип монеты с ушком, восходит, как было показано выше, к средневековью, однако «монета со спицами» – это явление более позднее. На сегодняшний день известно несколько экземпляров этого украшения, которые специалисты относят к концу XVII–XVIII веку; среди них одна подвеска, обнаруженная в 1802 году²⁸. Основная масса известных сегодня эстонских «монет со спицами» датируется по клеймам мастеров XIX веком.

Рассмотрим монетные подвески подробнее. В качестве основы для украшения могли быть взяты:

- 1) подлинные монеты;
- 2) имитации монет или медалей – т.е. круглые плоские подвески с выгравированным человеческим профилем на одной стороне и подобием геральдических знаков на другой;

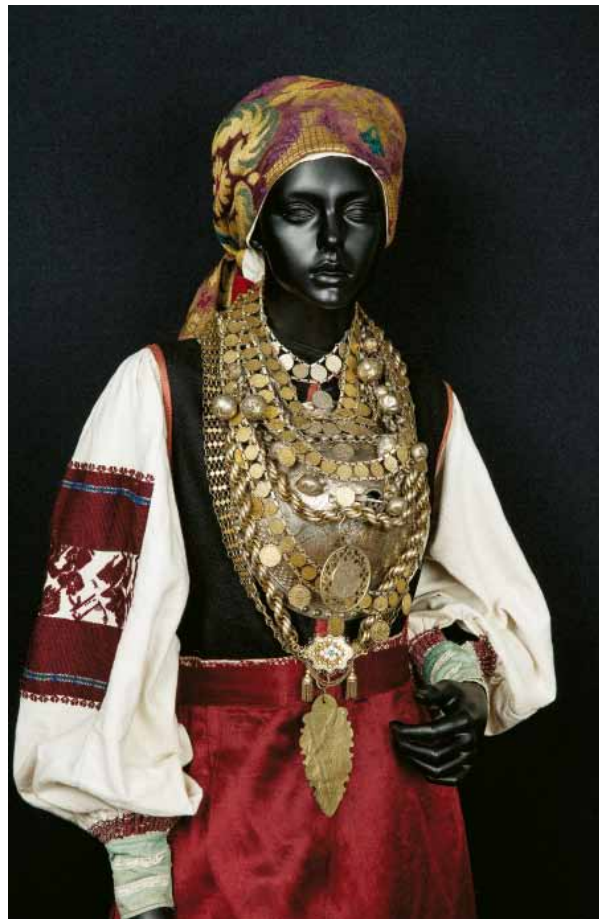

Рис. 1. Женский костюм сету. 1920–1940. Эстонская Республика, Петсеримаа (Печорский уезд). Комплекс шейно-нагрудных украшений. XIX – начало XX века. Серебро, серебро с позолотой, стекло
Монеты Российской империи – 5, 10, 15, 20 копеек 1834–1915 годов; рубли 1832–1844 годов. Выставка «Звонкая монета» РЭМ, 2014–2015

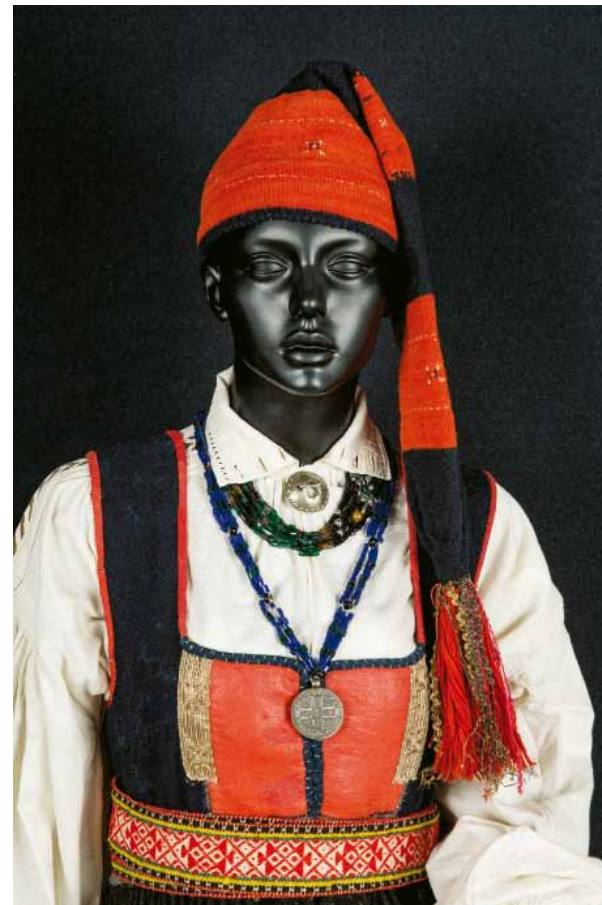

Рис. 3. Эстонский девичий костюм. Вторая половина XIX века. Лифляндская губ., о. Эзель (Сааремаа), приход Ансеюля. Бусы с подвеской. РЭМ, 881-128. Стекло, серебро. Рубль-«крестовик» Павла I (1798). Выставка «Звонкая монета» РЭМ, 2014–2015

Рис. 2. Ожерелья паатер. РЭМ 2615-5; 2615-6. Эстляндская губ., XIX век. Серебро
Полтины и рубли Российской империи XVIII века; талеры государств Священной Римской империи германской нации XVII века; монета Республики соединенных провинций Нидерландов 1762 года; имитации российских и западноевропейских монет

Рис. 5. Подвеска паатер. XV–XVI века. Цветной металл. Собрание Эстонского национального музея: ERM A 509:6631, Eesti Rahva Muuseum, <http://www.muis.ee/museaalview/501336>

Рис. 6 а, б. Подвеска работы М.В. Бракманна. РЭМ, 2615-5. XIX век
Серебро

Рис. 7 а, б. Подвеска работы М.В. Бракманна. РЭМ, 6697-104. XIX век.
Серебро

Рис. 8 а, б. Подвеска работы В.А. Трюля. РЭМ, 6697-60. XIX век
Серебро

Рис. 10. Монета-подвеска «с ушком». РЭМ, 6697-42. XVIII–XIX века. Рубль-крестовик Петра II (1728). Серебро

Рис. 9 а, б. Монета-подвеска «со спицами». РЭМ 6697-85. XIX век. Вольная интерпретация портрета императрицы на полтине Екатерины II 1863 г. Серебро

Рис. 11 а, б. Подвеска работы М.В. Бракманна. РЭМ, 6697-100. XIX век. Серебро

3) подлинные монеты с затертым изображением, поверх которого нанесен рисунок.

Для создания подвесок ювелиры, как правило, использовали старинные, вышедшие из употребления серебряные деньги. В состав шейно-нагрудных украшений XVIII–XIX веков входили различные монеты XVI–XIX веков: немецкие и австрийские талеры, датские далеры, шведские марки, нидерландские риксдаальдеры, польские гроши, а также монеты Российской империи XVIII–XIX веков. В некоторых областях западной Эстонии (приходы Вигала, Кирбла, Лихула) было принято носить несколько ожерелий с монетными подвесками, располагая их рядами²⁹. Подвески в ожерельях носили, как правило, аверсом наружу, т.е. той стороной, где находится портрет правителя. Таким образом, в составе одного украшения оказывалась целая «портретная галерея» представителей династий Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, Ваза. Перед нами – курфюрсты, маркграфы, епископы Священной Римской империи германской нации, короли Швеции и Дании, великие князья литовские и короли польские, императоры русские и немецкие, безымянные рыцари с поднятыми мечами на монетах республик Соединенных провинций Нидерландов и скачущие всадники на грошах Великого княжества Литовского. Конечно, сами хозяйки украшений не вдавались в столь подробный нумизматический анализ, осознавая, тем не менее, значимость старинных монет, особенно с узнаваемыми для них обликами, – например, с изображениями Петра I или Екатерины II. Последние пользовались особенной популярностью. Со времен античности персона, изображенная на различных подвесках, предназначенных для ношения на теле, являлась «идолом и идеалом»³⁰. Медальон с портретом правителя – помазанника Божьего, принимал на себя функцию религиозного амулета; изображения крестов и святых, а также библейские тексты, нередко встречающиеся на монетах, еще больше ее усиливали. В некоторых случаях, лицевой стороной монетной подвески становился реверс: например, при использовании т.н. рублей-крестовиков – монет с крестообразно расположенными вензелями императоров Петра I, Петра II, Петра III и Павла I (рис. 3). В этом случае на первый план выступала семантика креста Господнего. Рубли-крестовики Павла с цитатой из 113-го псалма Давида: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» могли также располагаться в ожерельях текстом наружу³¹. В случае отсутствия на монетах антропоморфных изображений лицевой стороной подвески становился герб – например, двуглавый орел на монетах Российской империи.

Мы не знаем, какой смысл вкладывали сами эстонские крестьяне XIX века в изображения

мужских и женских профилей на нагрудных украшениях. Так, например, полевые исследования М. Пихо, специалиста по этнографии сету, показали, что «старинные западноевропейские монеты среди сету были не редкостью до 1940-х годов, им придавали из-за старины и изображению на них мужских голов «особые» значения, объяснить которые в конце XX века уже не могли»³².

Наряду с изделиями из подлинных монет в составе эстонских украшений присутствовали и медальоны с выгравированными портретами. На них изображены мужчины в лавровых венках, коронах, разнообразных головных уборах и простоволосые длинноносые женщины (рис. 7, 12–14). На оборотных сторонах изделий находятся стилизованные геральдические щиты, кресты, цветы, здания. Некоторые композиции имеют сходство с детскими рисунками («дом с трубой», елочки), а портреты персон в лавровых венках и коронах напоминают шаржи на портреты правителей. Авторами этих медалей – «псевдомонет» – являются профессиональные цеховые ювелиры. На изделиях данного облика из собрания РЭМ отсутствуют клейма мастеров, но сравнительный анализ с аналогичными клейменными предметами из других музейных собраний позволяет установить авторство. Хочется отметить изрядную долю чувства юмора, вложенную остзейскими мастерами в изделия, созданные для крестьянской среды. В некоторых изображениях хорошо читается портретное сходство с Петром I (рис. 6 а) или Екатериной II; в иных случаях – это некий собирательный образ западноевропейского правителя (рис. 11, 13) или даже просто фигура городского/сельского обывателя (рис. 8). Для создания подобных типажных ювелиры использовали и подлинные монеты с затертыми изображениями, поверх которых наносились вольные интерпретации погрудных портретов (рис. 9). В собрании РЭМ представлено несколько экземпляров подобных подвесок, сделанных из рублей и полтин Петра I и Екатерины II. Интерес представляет подвеска kannaga raha (с петелькой), сделанная из рубля-крестовика Петра II 1728 года (рис. 10). Портрет императора обрамляют вычеканенные ювелиром завитки, нанесенные поверх круговой легенды на аверсе. Монеты Петра II, время правления которого длилось всего два года, представляют определенную нумизматическую ценность, однако для мастера была важна не монета как таковая, а изображенный на ней мужской профиль, послуживший основой для художественной композиции.

Характерно, что сами носители культуры не различали подвески, созданные из подлинных монет и их имитации по значимости – и те, и другие на равных правах включены в состав

шейно-нагрудных украшений и именуется «rahadega» – т.е. «денежные».

Обратимся теперь к обрамлению монеты/медали. В одном ожерелье эстонки или сету могли присутствовать и kannaga rahad, и kodarahad одновременно. Петля для подвешивания припаивалась либо к самой монете, либо к специальному ободку, изготовленному в технике скрутки проволоки, витья нескольких проволочных жгутов или навивки тонкой проволоки на более толстую. Обрамление в виде «спиц» ювелиры изготавливали из тонкой серебряной пластины или нескольких пластин, используя техники вырезки, выпилки, а затем гравировки. В результате монета оказывалась в центре своеобразной звезды или розетки, состоящих из более чем десяти лучей. В Дерптском уезде (Тартумаа) был распространен т.н. «ажурный ободок»³³, который представляет собой пластину с прорезными орнаментами в виде крестов, точек, запятых, треугольников (рис. 8). Подвески этого вида встречаются чаще всего в составе ожерелий сету, однако пользовались спросом и у эстонок в районе Вильянди.

Расцвет производства монетных подвесок приходится на XIX век и связан с историей ювелирного дела Южной Эстонии – Лифляндии.

Остзейские губернии³⁴ в составе Российской империи обладали особым правовым статусом – т.н. «остзейским правом», состоявшем в ближайшем родстве с группой германских партикулярных прав. Кодификация гражданского права прибалтийских губерний происходила во время правления Николая I и закончилась изданием «Свода местных узаконений губерний остзейских» (1845–1864). В соответствии с ним различные группы населения пользовались различными правами в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию (дворянству, духовенству, городским и сельским обывателям); кроме того, к лицам одного и того же звания применялись разные законы в зависимости от местности. Города управлялись магистратами. Купцы и ремесленники были объединены в гильдии. Горожане делились на граждан и «неграждан», т.е. «лиц, не получивших прав местного гражданства». К гражданам относились состоящие в гильдии купцы, мещане, т.н. литераторы, вольные люди и цеховые ремесленники.

Старейшими цехами золотых дел мастеров Эстляндии и Лифляндии являлись соответственно Таллинский и Рижский (XIV век). Самостоятельные цеховые организации в южно-эстонских городах возникли позже. В Тарту – в 1640 году, в Пярну (Пернов) – в 1766, в Выру (Верро), Валге и Вильянди (Феллине) – во второй половине XIX века³⁵. До возникновения собственных цехов в небольших городах существовала практика организации ювелирных мастер-

ских членами цехов других городов. Количество мастеров-ювелиров в каждом цехе было небольшим: 6–8 – в Тарту, до 3-х – в Пярну в первой половине XIX века, 6 – в Вильянди в 1811 году³⁶. У каждого мастера было несколько учеников и подмастерьев. В общей сложности численность членов одного ювелирного цеха южной Эстонии могла составлять до 40 человек. Это были закрытые привилегированные организации, часто основанные на семейных началах, что привело к возникновению целых династий остзейских ювелиров. Внутренние отношения между членами одного цеха, их права и обязанности, а также условия вступления в организацию регламентировались цеховым уставом и второй частью «Свода местных узаконений губерний остзейских». Так, например, в ремесленную гильдию г. Пярну (Пернова) принимались все местные цеховые мастера, а также приезжие после обучения у местного мастера сроком не менее года, предъявления свидетельства о рождении и обучении, изготовления пробной работы и внесении определенной платы в кассу цеха. Принимаемый таким образом в общество граждан ремесленник обязан был дать присягу на гражданство. Дети членов Малой (ремесленной) перновской гильдии, обучившиеся мастерству и получившие в том свидетельстве, по изготовлении пробной работы немедленно вступали в гильдию³⁷.

Во второй половине XVIII–XIX веке мастера золотых дел активно изготавливали украшения для крестьян, о чем свидетельствуют многочисленные клейма на изделиях. Ювелиры сбывали свою продукцию на ярмарках или работали на заказ³⁸.

Одним из «плодовитых» талантливых ювелиров первой половины XIX века, изготовившим как минимум 140 известных на сегодняшний момент экземпляров монетовидных крестьянских подвесок³⁹, шесть из которых хранятся в РЭМ⁴⁰, является пярнуский (перновский) мастер Магнус Вильгельм Бракманн. Он родился 6 апреля 1787 года в г. Вильянди (Феллине) в семье потомственных ремесленников. Дед ювелира был кузнецом по меди в Тарту, а отец являлся членом цеха золотых дел мастеров г. Пярну и работал в Вильянди. В 1808 году молодой Бракманн получил свидетельство мастера и гражданство г. Пярну, куда и переехал. Умер ювелир 11 февраля 1862 году в возрасте 74-х лет. М.В. Бракманн изготавливал монетовидные подвески с рельефными портретами нескольких типов. Некоторые из них К. Кирме соотносит с русским императором Петром I, другие – с западноевропейскими правителями, например, с прусским королем Фридрихом II (1740–1786)⁴¹. В ряде имитаций действительно читается сходство с официальным погрудным портретом рус-

Рис. 14. Фрагмент ожерелья. РЭМ, 6697-12.
Подвеска работы В.А. Трюля. XIX век. Серебро

Рис. 12. Ожерелье. РЭМ, 6697-45. XIX век.
Подвеска работы И.Ф. Бауманна. Монеты
Российской империи – 5 копеек XIX века. Серебро

Рис. 13 а, б. Подвеска работы В.А. Трюля.
РЭМ, 6697-88. XIX век. Серебро

Рис. 15. Гнаденпфеннинг. Медаль: Бавария,
около 1650 года. Оправа: предположительно
XIX век. Золото. Musée National de la
Renaissance, Escouen. Публикация: *Idol und Ideal.*
Das Bild des Menschen im Schmuck der
Renaissance. Ausstellungskatalog,
Schmuckmuseum Pforzheim, 1997. – 11

ского императора-реформатора – характерная прическа, лавровый венок, форма носа, усы (рис. 6 а). На оборотной стороне таких подвесок мастер помещал не гербового орла или крестообразно расположенные вензеля императора, а подобие эмблемы лучезарного солнца (рис. 6 б, 11 б). В круг вписан четырехконечный крест, между лопастями которого расходятся лучи, а в средокрестии находится схематичное изображение человеческого лица: два круглых или треугольных углубления с дугами над ними – глаза и брови, две точки – ноздри, ниже – линия рта. Лучезарный диск с человеческим лицом – распространенный иконографический образ. Солнечное светило являлось эмблемой Людовика XIV – «короля-солнца». Во время петровских преобразований образ лучезарного солнца как символа царской власти появляется и в России. Его можно увидеть, например, на оборотной стороне редкой медали, отлитой по случаю восшествия на престол Екатерины I, которая была изготовлена предположительно К.Б. Растрелли (собрание Государственного Эрмитажа)⁴².

На подвесках без ажурной оправы («монета с ушком») работы М.В. Бракманна представлен другой типаж мужчины в лавровом венке и с небольшой короной на голове, но на оборотной стороне находим все ту же эмблему – «фирменный» знак мастера (рис. 11 б).

Еще один мужской образ, созданный мастером, вызывает ассоциации с изображениями правителей на западноевропейских монетах (рис. 7). На оборотной стороне рассматриваемых подвесок выгравирован гербовый щит с четырехчастным делением и обрамлением в виде фигурных завитков по обеим сторонам. Герб не имеет явных аналогов среди действительных существовавших. Скорее всего, это собирательный образ. То же самое можно сказать о портрете на лицевой стороне. На наш взгляд, его сходство с портретом Фридриха II выглядит не достаточно убедительным хотя бы потому, что прусский король изображался согласно моде своего времени с косичкой или хвостом, стянутым лентой, а на подвеске представлен мужчина с короткой прической.

В 1970-е годы прибалтийская коллекция РЭМ (тогда Государственного музея этнографии народов СССР) активно пополнялась не только предметами традиционной этнографии, но и современными изделиями мастеров, в том числе и авторскими повторениями старинных украшений. Один из таких экспонатов – медный круглый медальон на цепи (диаметр 7,5 см), выполненный мастерами г. Пярну в 1973 году (Х. Тасса; Роосалутсе), является явным подражанием подвескам Бракманна. Согласно авторской формулировке на медальоне изображен «серьезный мужчина» (РЭМ, 8234-37).

Идеи Бракманна были подхвачены и развиты двумя другими лифляндскими ювелирами второй половины XIX века – И.Ф. Бауманном (Johann Fridrich Baumann; 1815–1890, г. Лихула) и В.А. Трюлем (Wilhelm Adam Trühl; раб. 1832–1863, г. Вильянди). Они создали своеобразную галерею типажей, среди которых представлены как царствующие особы, так и простые смертные. Стиль этих изделий можно в целом охарактеризовать как примитивистский.

Характерной особенностью медалевидных подвесок, изготовленных лихуласким мастером И.Ф. Бауманном, является изображение профиля женщины с распущенными волосами и длинным носом⁴³. На оборотной стороне выгравирован четырехконечный процветший крест. В собрании РЭМ представлен один экземпляр работы мастера (рис. 12).

Большим разнообразием созданных образов отличаются изделия ювелира из Вильянди В.А. Трюля. Обратные стороны его подвесок представляют не меньший интерес, чем лицевые с портретами. Здесь можно увидеть четырехконечный крест, пронзенное стрелой сердце, дом, птицу и даже верблюда⁴⁴. В собрании РЭМ представлены 4 подвески работы этого мастера из коллекции Ф.М. Плюшкина⁴⁵. Две из них – в составе ожерелий – относятся к этнографии сету (РЭМ 6697-56, 6697-60). На одной изображен курящий трубку мужчина (аверс) и стилизованный герб Санкт-Петербурга (реверс); на другой – крестьянин в шляпе (аверс) и православная церковь (реверс) – рис. 8. Лифляндские мастера создавали изделия в «народном стиле», ориентируясь на вкусы заказчиков и используя понятные для тех символы. Например, для сету они изготавливали конусовидные фибулы с двуглавыми орлами и крестами, маркировавшими государственную и конфессиональную принадлежность этой этнической группы⁴⁶. Православная церковь являлась одной из важнейших составляющих культуры сету, сближавшей их с русским населением и отличавшей от лютеранского, в своей основной массе, населения Остзейского края.

На двух других подвесках В.А. Трюля в собрании РЭМ представлены стилизованные портреты правителей (?) – рис. 13,14; на реверсе одной из них (РЭМ 6697-88) – корабль с надутыми парусами.

Интересно, что при изготовлении монетовидных подвесок ювелиры Эстонии использовали технику гравировки, а не штамповки. Таким образом, несмотря на серийность производства, каждое отдельно взятое изображение является уникальным. Нарочитый примитивизм стиля лишь намекает на чеканный оригинал монеты или медали.

Что касается оформления оправы, то она, как правило, представляет собой чередование треугольных и прямоугольных или двух видов треугольных лучей-спиц. Подвески М.В. Бракманна отличает разнообразный и «пышный» декор – некоторые его изделия имеют обрамление в виде лучей, расположенных несколькими ярусами. В.А. Грюль изготавливал также подвески с «ажурным ободком» в стиле мастеров Тартуского (Дерпстского) уезда – так оформлена подвеска с изображением церкви в собрании РЭМ. Орнамент в виде расходящихся от центра треугольных лучей-спиц или лепестков можно увидеть не только на монетных подвесках: он встречается и на других ювелирных изделиях – на кольцевидных фибулах и на подвесках-паатер XV–XVI веков⁴⁷ (рис. 5).

Эстонские крестьянские украшения XIX века имеют генетическую связь с архаичными финно-угорскими типами средневекового «металлического» наряда, вместе с тем в них чувствуется влияние медальерного и ювелирного искусства Западной Европы, знакомство с которыми в Прибалтике происходило через немецкие образцы.

Именно в немецких княжествах в XVI–XVII веках получила широкое распространение золотая медаль с портретом правителя в дорогой оправе – *gnadenpfennig/gnadenmedaille* (дословно – милостивый пфеннинг/медаль). Это был знак особой милости государя, который с благоговением и гордостью прикрепляли к костюму или носили на цепи как мужчины, так и женщины. Гнаденпфеннинги имели круглую или овальную форму, декорировались драгоценными камнями и эмалью⁴⁸ (рис. 15). Обычай награждения особыми украшениями – шейными цепями с чеканными или финифтовыми портретами государей – существовал при многих европейских домах в XV–XVII веках⁴⁹. Эти медали повлияли на формирование системы наградных знаков нового времени. Почетные знаки отличия – ордена берут свое начало от особенностей костюма членов средневековых монашеских и рыцарских организаций, однако, по сути, имеют с ними мало общего. При монарших дворах сформировалась особая культура орденов как привилегированных корпораций, выработалась система инсигний и орденской одежды. В XVIII–XIX веках звезды и кресты с помещенными в центре девизами прикреплялись на костюм при помощи булавки, штифта, носились на цепи или специальной орденской ленте в зависимости от степени ордена и правил размещения наградных знаков в костюме. Нет ли сходства между монетой в оправе из восьми лучей с формой орденской звезды?

Подражание высшим слоям общества – характерная черта крестьянского костюма. Так,

например, украинские народные украшения XVIII – начала XX века – «дукачи» (от слова «дукат») изготавливались по образцу подлинных западноевропейских и российских медалей, а затем вставлялись в оправы, украшенные бантами и цветными стеклами, являвшимися имитациями драгоценных камней⁵⁰. Наряду с медальонами подобного рода существовала традиция включения в состав шейно-нагрудных украшений и монет. Показательно, что некоторые типичные «дукачи» из собрания Ф.М. Плюшкина – с изображением женского профиля – «царицы» (рис. 16), различных святых и сцен из Библии – были ошибочно зарегистрированы в эстонскую коллекцию. И, наоборот, три «дукача» (рис. 17) из Екатеринославской губернии, приобретенные для музея известным антропологом Ф.К. Волковым в 1911 году, представляют собой монеты Российской империи (10 копеек и 2 польских злотых) XIX – начала XX века, вставленные в серебряную оправу с прорезным орнаментом наподобие «спиц» лифляндских мастеров⁵¹. В XVI–XVII веках украинские ювелирные мастерские имели прочные связи с художественными и техническими традициями западноевропейских ремесленных центров. Медальоны из драгоценных материалов были сначала принадлежностью знати, а затем превратились в украшения крестьянок и мещанок – «скромные до наивности» реплики, выполненные при помощи штампов, чеканов и отливки⁵². Образ царицы – женщины с короной – был особенно популярен, поэтому неудивительно, что «дукачи» из собрания Ф.М. Плюшкина оказались в эстонской коллекции вместе с украшениями лифляндских крестьянок подобного рода (рис. 9). Они выполнены в разной стилистике и технике, но являются результатом одного процесса – трансформации элементов придворного костюма в народной среде в соответствии с экономическими возможностями заказчиков, а также их традиционными представлениями об эстетике и сюжете.

Возвращаясь к традиции использования монеты и медали в эстонском народном костюме, следует подытожить:

1. для эстонского женского костюма характерно обилие металлических украшений;
2. разнообразные круглые подвески, монеты, бляшки, медальоны входят в комплекс шейно-нагрудных украшений эстонок начиная с X–XI веков;
3. западноевропейское медальерное искусство оказало влияние на формирование облика эстонских монетных подвесок;
4. подвески со спицами появились достаточно поздно – не ранее конца XVII века, и по всей видимости являются результатом наложения

Рис. 16. Дукач. РЭМ, 6697-175. XIX век. Цветной металл

Рис. 17. Дукачи. РЭМ, 2098-28, 29, 30. Екатеринославская губ. Новомосковский у. Середина XIX – начало XX века. Серебро

двух традиций – автохтонной финно-угорской и привнесенной германской;

5. эстонская монетная или монетовидная подвеска в том виде, в каком она дошла в народном костюме до наших дней, сочетает в себе несколько семантических подтекстов; она являлась языческим амулетом и атрибутом христианина, воплощала в себе эстетические представления кре-

стьянского «ненемецкого» сословия и была изготовлена руками ремесленников-германцев;

6. ювелирное искусство Эстонии развивалось в рамках общеевропейской традиции, которые, в свою очередь, уходят корнями в античную эпоху, собственно и подарившую миру круглую монету с рельефными изображениями и поясняющими надписями.

¹ Zegga N. Die Münze als Schmuck // Wiener Zeitschrift für Volkskunde 30. 1925. – S. 3-6; Арсентьев И.Д. Нумизматическое наследие в произведениях декоративно-прикладного искусства Эрмитажа // Вторая жизнь. Монеты и медали в европейском прикладном искусстве. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. – СПб., 2012. – С. 15.

² Вторая жизнь. Монеты и медали в европейском прикладном искусстве. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. – СПб., 2012. – С. 24.

³ Zegga N. Die Münze als Schmuck. Op. cit. – S. 4.

⁴ Равдина Т.В. Погребения X–XI веков с монетами на территории Древней Руси. Каталог. – М., 1988; Седых В.Н. Северо-Запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов (по археологическим и нумизматическим данным) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной международной научной конференции. – СПб., 2003. URL: http://www.rhga.ru/science/conferences/spbse/2003/22_Sedykh.pdf

⁵ Спицын А.А. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР 29. – СПб., 1903. – С. 25. Табл. XXII:14; Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. – Рига, 1968. URL: http://historylib.org/historybooks/E--S--Mugurevich_Vostochnaya-Latviya-i-sosednie-zemli-v-X-XIII-vv-15; Хвоцинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. – СПб., 2004. – С. 76;

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. – Helsinki, 1973. – S. 9. Taf. 87. Selirand J. Tõnisson E. Läbi aastatuhandete. – Tallinn, 1974 – Lk. 225; Arwidsson G. Die Münzen der Gräber von Birka // Birka II: 3 Systematische Analysen der Gräberfunde. – Stockholm, 1989. – S. 137-138

⁶ Спицын А.А. Указ. соч. – С. 25, Табл. XXII: 11–13; Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Труды ГИМ. – Вып. 43. – М., 1967. – С. 111, 112; Мугуревич Э.С. Указ. соч.; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. – М., 1981. – С. 37–42; Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhute tarkamise perioodil (11.–13. Sajand). Tallinn, 1974. – Lk. 324, 325, Tahv. XXXIV; Callmer J. Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka II: 3 Systematische Analysen der Gräberfunde. – Stockholm, 1989. – S. 19–42.

⁷ Idol und Ideal. Das Bild des Menschen im Schmuck der Renaissance. Ausstellungskatalog, Schmuckmuseum. – Pforzheim, 1997; Münzen in Brauch und Aberglauben: Schmuck und Dekor – Motiv und Amulett – politische und religiöse Selbstdarstellung. Ausstellungskatalog Germanisches Nationalmuseum Nürnberg. – Mainz am Rhein, 1982; Вторая жизнь. Монеты и медали в европейском прикладном искусстве... Указ. соч.

⁸ Богатство и престиж в традиционной культуре // Мат-лы Тринадцатых Санкт-Петербургских этнограф. чтений. Раздел «Монеты в традиционной культуре». – СПб., 2014. – С. 223–260; Богданов К.А. Деньги

в фольклоре. – СПб., 1995; Вторая жизнь. Монеты и медали... Указ. соч.; Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции. – СПб., 1993 и др.

⁹ Каарма М., Воолмаа А. Эстонская народная одежда. – Таллин, 1981. – С. 69.

¹⁰ Сету (seto) – финно-угорская этническая общность, культура которой сформировалась на территории западных волостей бывшей Псковской губернии. Исповедуют православие. От русского населения получили экзоним «полуверцы». Современная территория Сетумаа (земли сету) – это Печорский район Псковской области (Россия) и уезды Пылвамаа, Вырумаа (Эстония).

¹¹ Подробнее о деятельности корреспондента музея И.А. Гальнбека: Засецкая М.Л. Временная выставка «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии» // Музей. Традиции. Этничность. – СПб., 2013. – С. 106–118.

¹² После первичной научной экспертизы этнографической части собрания рассматриваемые украшения были включены в охранную опись и находились в составе Русского фонда музея. Коллекция была зарегистрирована в 1953 году Т.А. Крюковой, занимавшейся выявлением и систематизацией предметов финно-угорского мира в собрании музея. В 1980-е годы изучением коллекции занимался К. Кирме, крупнейший эстонский искусствовед, специалист по ювелирному искусству. В конце XX – начале XXI века научная атрибуция предметов коллекции и составление научных паспортов осуществлялись сотрудниками отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики РЭМ М.Л. Засецкой, Л.В. Корольковой, О.В. Калининой.

¹³ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Entsüklopeediakirjastus. – Tallinn, 2002.

¹⁴ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted... – Lk. 157.

В аннотации к выставке «Монеты-подвески с ажурным обрамлением – традиция и вдохновение (Эстонский исторический музей и Художественная академия)» в Нарве (2006) было указано «...вид национальных украшений, который нигде в мире больше неизвестен» URL: <http://www.narvamuuseum.ee>

¹⁵ URL: <http://www.estcraft.com/>

¹⁶ Например, проект Эстонской академии художеств (Eesti Kunstiakadeemia), руководитель Кярт Сумматавет (Kärt Summatavet). URL: <http://www.ehelaul.ee/index.php?m1=2&lang=2>

¹⁷ Reidla J. Eesti ehtekultuur muinasajast uusajani. – Tallinn, 2012. – Lk. 78.

¹⁸ Лаул С.К. Одежда эстонцев I–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986. – С. 199.

¹⁹ Седов В.В. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С. 19; С. 250 Табл. II: 19, 21, 24–26, 28; Reidla J. Eesti ehtekultuur muinasajast uusajani. – Tallinn, 2012. – Lk. 72–74; Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. – Tallinn, 1982 – Lk. 360. Joon 245.

²⁰ Вундер Э. О возможном происхождении мотивов орнамента южно-эстонской народной вышивки // Народное прикладное искусство. Актуальные вопросы истории и развития. – Рига, 1989. – С. 183–193.

²¹ Лаул С.К. Одежда эстонцев... Указ. соч. – С. 207.

²² Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. op. cit. – Lk. 394; Kirme K. Взаимопроникновение профессионального и народного искусства в ювелирных изделиях эстонцев XIII–XIX веков // Народное прикладное искусство... Указ. соч. – С. 210, 211.

²³ Kirme K. Eesti sõled. Tallinn, 1986. – Lk. 170.

²⁴ Kangilaski E. Kullassepad Lõuna-Eesti linnades 18. Sajandil ja 19. Sajandi esimesel poolel // Etnograafiamuuseumi aastaraamat XXIX. – Tallinn, 1976. – Lk. 236, 237; Kirme K. Взаимопроникновение профессионального и народного искусства... Указ. соч. – С. 211.

²⁵ Лаул С.К. Одежда эстонцев... Указ. соч. – С. 196; Reidla J. Eesti ehtekultuur. Op. cit. – Lk. 137

²⁶ Valk H. Rural Cemeteries of Southern Estonia 1225–1800 AD Visby – Tartu, 2001. – Plate XX:13; Plate XXII: 7

²⁷ Кирме К. Взаимопроникновение профессионального и народного искусства... Указ. соч. – С. – 216.

²⁸ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Op. cit. – Lk. 158.

²⁹ Каарма М., Воолма А. Эстонская народная одежда... Указ. соч. – С. 323, 328.

³⁰ Выражение позаимствовано из названия выставки, проходившей в 1997 году в Schmuckmuseum Pforzheim (Германия), посвященной изображению человека в украшениях эпохи Возрождения. На наш взгляд, оно очень емко отражает отношение к антропоморфным изображениям не только этого периода в истории Европы, но и в гораздо более широких хронологических рамках.

³¹ Каарма М., Воолма А. Эстонская народная одежда... Указ. соч. – С. 303; рис. 299.

³² Пихо М. Украшения сету XVII–XIX вв. // Новости краеведения Пскова. Новые публикации и архивные материалы. URL: <http://druzhkovka-news.ru/ukrasheniya-setu-xvii-xix-vv/3/>

³³ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Op. cit. – Lk. 165–167.

³⁴ От немецкого топонима Балтийского моря – Ostsee.

³⁵ Kangilaski E. Kullassepad Lõuna-Eesti linnades 18. sajandil ja 19. sajandi esimesel poolel. Op. cit. – Lk. 239.

³⁶ Ibid. – Lk. 234.

³⁷ Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть вторая. Книга третья. Статьи 981–987.

URL: <https://books.google.ru/books?id=mtKOBQAAQBAJ&pgnn>

³⁸ Kangilaski E. Kullassepad Lõuna-Eesti linnades. Op. cit. – Lk. 237.

³⁹ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Op. cit. – Lk. 159.

⁴⁰ РЭМ 2615-5; 2615-6; 6697-56; 6697-82; 6697-100; 6697-104.

⁴¹ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Op. cit. – Lk. 160.

⁴² Шукина Е.С. Два века русской медали: Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. – М., 1999. – С. 26.

⁴³ Eesti rahvapärased hõbeehted. Kujundanud Urmas Raidma. – Tallinn, 2009. – Lk. 60, 61

⁴⁴ Kirme K. Eesti rahvapärased ehted. Op. cit. – Lk. 165.

⁴⁵ Атрибуция К. Кирме, 1982.

⁴⁶ Засецкая М.Л. Сету – народ Печорской земли // Православные кресты народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и сету в собрании Российского этнографического музея. Вып. 1. – СПб., 2013. – С. 246.

⁴⁷ Reidla J. Eesti ehtekultuur. Op. cit. – Lk. 96:127, 98:131; Valk H. Rural cemeteries of Southern Estonia. 1225–1800. Op. cit. – Pl. XIV:6; Kirme K. Eesti sõled. Op. cit. – Lk. 94.

⁴⁸ Вторая жизнь. Монеты и медали в европейском прикладном искусстве... Указ. соч. – С. 30, 31; Idol und Ideal. Op. cit. – Lk. 9–13.

⁴⁹ Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. – СПб., 1993. – С. 10.

⁵⁰ Спаський І.Г. Дукати і дукачі України. Історико-нумизматичне дослідження. – Київ, 1970. – С. 139–144.

⁵¹ Аналогичный дукач начала XX в. опубликован: Врочинська Г. Українські народні жіночі прикраси XIX – початку XX століть. – Київ, 2007. – С. 110. Ил. 103 б.

⁵² Спаський І.Г. Дукати і дукачі України. Історико-нумизматичне дослідження. Указ. соч. – С. 143.

Дарообмен в русской деревне: дар как депозит¹

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕРХОВЦЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра этнографии и антропологии, Санкт-Петербург
dverhovtcev@gmail.com

Внимание исследователей дара в основном было сфокусировано на его социальных аспектах, и этот подход обуславливается самой историей открытия значимости обмена дарами как социального явления. Однако, исследование сети обмена мясными подарками в русской деревне, функционировавшей в середине XX века, показало, что поводом для участия в ней являются не только вопросы морали, престижа и репутации (как считали сами информанты), но и возможность увеличить время доступности для домохозяйства дефицитного ресурса – свежего мяса. Привлеченные материалы по русской этнографии (устройство съезжих престолярных праздников, подарки славильщикам и хухольникам), а также по этнографии охотников-собирателей (дарение добычи охотниками другим членам хозяйственной группы или родственникам) позволили заключить, что эта функция дарообменных сетей – одна из древнейших и имеет универсальный характер. Она обеспечивает недоступную для мяса и других скоропортящихся и дефицитных продуктов функцию долговременного хранения, поэтому мы назвали ее функцией депозита; ее реализация может происходить как в виде прямого дарообмена сходными продуктами (напр., мясом), так и косвенного, когда в виде ответного дара подразумеваются не ситуативные материальные, а отставленные во времени блага (напр., будущее здоровье коровы в обмен на угощения неимущей семьи молоком).

Ключевые слова: дарообмен, русские, подарки, престиж, сельские сообщества, экономическая антропология, реципрокность, социальная сеть.

UDC 395.83(=82)+330.342.1

Gift Exchange in a Russian Village: the Gift as a Deposit

DMITRY V. VERKHOVTCHEV

St. Petersburg State University, Institute of History, Department of Anthropology and Ethnography
dverhovtcev@gmail.com

Attention of researchers of gift was mainly focused on social aspects of gift. This approach is caused by the history of the discovery of gift exchange as a unique phenomenon. The article deal is concerned with the network sharing meat, which functioned in the middle of the 20th century. It turned out that the reason for participating in this network was not only a question of morality, prestige and reputation (although it is said our informants). Fresh meat are made available to households more time due to membership in the network. We add materials on Russian Ethnography (dispensation feasts, gifts to slavilshchiks and to huholniks), ethnography of hunter-gatherers (when hunters donate game to other members of the band or family), as well as social animals ethology (ex. exchange of extracted blood at vampire bats). Conclusion: the described function of gift exchange is of ancient origin and is universal. It replaces the function of long-term storage, which is usually not available for meat and other perishable and deficient products, thus we called it deposit function; implementation of the deposit function may occur as a direct gift exchange of similar products (ex. meat), or indirect, when a response is not material, but consist of abstract benefits (ex. the future health of the cows in exchange of milk gift to poor families).

Key words : gift exchange, Russians, gifts, prestige, rural community, economic anthropology, reciprocity, social network.